

ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ЕЕ ДИЗАЙН¹

Л. В. Сморгунув

Сморгунов Леонид Владимирович, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
Эл. почта: l.smorgunov@spbu.ru. ORCID 0000-0002-2581-2975

Аннотация. Статья посвящена исследованию политики обеспечения технологического суверенитета в России. Основная цель состоит в исследовании публичных стратегий обоснования доказательной политики технологического суверенитета как основы формирования общественного доверия к ней. Раскрывается содержание трех стратегий обоснования политики технологического суверенитета — технократической, экономической и цивилизационной. Обосновывается смешанный характер использования стратегий в публичном дискурсе власти с определенным доминированием технократической стратегии. Анализируются особенности коалиции доказательной политики технологического суверенитета. В основе коалиции в России лежит централизованная вертикальная модель управления научно-техническим развитием, хотя в нее входят также финансовые, экспертные, производственные, гражданские и другие заинтересованные группы. Раскрывается система убеждений коалиции, состоящей из глубинной основы, ядра политики — основных нормативных обязательств и вторичных аспектов политики. Описываются перспективы формирования дизайна доказательной политики технологического суверенитета, включая цели, субъекты, ресурсы, способности, инструменты, механизмы и оценки. Рассмотренные в статье проблемы опираются на проведенный в ходе исследования по гранту дискурс-анализ целевой выборки текстов, состоящей из 21 речи политиков и экспертов (в период с мая по сентябрь 2022 г.) и трех постановлений Правительства РФ (с сентября по декабрь 2022 г.) по вопросам формирования политики технологического суверенитета. Описание концептуальных основ доказательной политики технологического суверенитета в контексте доверия и укрепления технологического суверенитета можно рассматривать в качестве определенного вклада в теорию доказательной публичной политики в сложных и контингентных условиях.

Ключевые слова: технологический суверенитет, доказательная политика, стратегии обоснования политики, коалиция доказательной политики, дизайн политики, Россия.

В условиях интенсификации санкционной политики по отношению к России, потребность осуществлять ответную политику импортозамещения все более смещается в направлении не только замены импортных товаров и услуг национальными, но и разработки собственной стратегии технологического развития на основе технологического суверенитета. На пленарном заседании ПМЭФ 17 июня 2022 г. Президент РФ В. В. Путин заявил: «Сквозной принцип развития России — достижение технологического суверенитета, независимого от иностранных институтов». 1 сентября 2022 г. Президент РФ утвердил перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, согласно которым до 15 декабря 2022 г. правительству поручено разработать и утвердить концепцию технологического развития на период до 2030 г. В этом отношении политический сдвиг от технологического импортозамещения к технологическому суверенитету не только опирается на технократическую основу (наука, техника, рациональность),

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Доказательная политика технологического суверенитета и доверие: исследование публичных стратегий обоснования», реализуемого по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

но и требует широкой общественной инициативы, направленной на поддержку и участие в движении за технологический суверенитет.

Нельзя сказать, что политика технологического суверенитета является новой. Международный опыт такой политики наблюдается уже в прошлом веке, и здесь мы должны вспомнить опыт СССР, Европейского союза (1990-е гг.), Индии, Канады, Бразилии, Мексики, Индонезии (1960–1970-е гг.). Современное изучение рассматриваемой проблематики в России и мировой науке состоит в основном в установлении связей между технологией и суверенитетом (Wriston, 1988; Couture, Tourpin, 2019), в описании опыта осуществления политики обеспечения технологического суверенитета в различных странах и регионах (Globerman, 1978; Solleiroa, Castanon, 2005; Amir, 2013; Билотта, 2020; Данилин, 2021), связи технологического суверенитета с политическим суверенитетом государства (Коптев и др., 2015; Афанасьев, 2022), особенностей технологической конкуренции в условиях международной кооперации (Kim, Urpelainen, 2014), роли национальных и региональных технологических систем в обеспечении технологического суверенитета (Rohe, Mattes, 2022), соотношении государства, бизнеса и финансовых институтов в решении задач технологического суверенитета (Bassens D., Hendrikse, 2022; Шкодинский и др., 2022). Согласно ежегодному докладу Научного совета Канады (1977 г.), «для Канады технологический суверенитет должен заменить технологический дисбаланс. Мы должны развивать оригинальные технологии, как “высокие”, так и “низкие” (т.е. энергично работать). Нам нужно стимулировать инновации на вторичном уровне, мы должны добавить продуманное международное сотрудничество, тщательное лицензирование, а также чтобы политика государственных закупок могла стать мощным внутренним технологическим фактором» (Globerman, 1978, р. 35). Европейский союз в 2020 г. в качестве направления своей индустриальной политики поставил проблему технологического суверенитета относительно инфраструктуры, обеспечивающей экономику, основанную на данных (A European..., 2020).

В целом господствующий технологический подход к проблематике заставляет обратить внимание на комплекс проблем, связанных с публичным обоснованием политики технологического суверенитета для формирования доказательства ее общественной целесообразности и вовлечения граждан в инклюзивное технологическое и экономическое развитие. В этом отношении изучение различных стратегий обоснования доказательной политики технологического суверенитета и их связи с общественным доверием является необходимым условием поиска адекватных и действенных дизайнов соответствующей публичной политики. Описанные в статье *стратегии доказательной политики технологического суверенитета*, сформированная *политическая коалиция* и *дизайн политики технологического суверенитета* опираются на проведенный в ходе исследования по гранту дискурс-анализ целевой выборки текстов, состоящей из 21 речи политиков и экспертов (в период с мая по сентябрь 2022 г.) и трех постановлений Правительства РФ (с сентября по декабрь 2022 г.) по вопросам формирования политики технологического суверенитета.

Стратегии доказательной политики технологического суверенитета

Формируемые стратегии достижения технологического суверенитета стран можно описать, исходя из следующих подходов: государственно-центрированного (институты и мобилизация); национально-центрированного (культуры и этнические ценности; иногда «технологического национализма» (Sá et al., 2013)); технократического (технологии и инновации, НИС); экономического (финансирование,

технологические инвестиции и эффективность); управленческо- организационного (стимулирование и технологический менеджмент) и др. Каждый из них обладает своими инструментами доказательности политики и опирается на сумму контекстных условий выработки и реализации политических стратегий.

Стартовым основанием формирования политики технологического суверенитета в России можно считать Указ Президента Российской Федерации от 14 апреля 2022 г. № 203 «О Межведомственной комиссии Совета безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (Указ..., 2022). Положение о Межведомственной комиссии вводит понятие «государственной политики в области обеспечения технологического суверенитета» с целью «обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и координации деятельности органов власти и организаций «по реализации мероприятий по обеспечению технологической независимости» в соответствующей сфере. Так в политическую повестку дня была внесена тема технологического суверенитета, которая получила дальнейшее развитие в ходе выступлений государственных деятелей, политиков, общественности.

25 мая 2022 г. на заседании форума «Предпринимательство в новой экономической реальности» заместитель Председателя Совета безопасности РФ, председатель партии «Единая Россия» (ЕР) Д. А. Медведев заявил, что термин «импортозамещение» — не самый удачный. Он назвал его «немножко унижительным» для России и предложил заменить его на «технологический суверенитет» или «технологическую независимость».

На Петербургском международном экономическом форуме

17 июня 2022 г. Президент РФ В. В. Путин назвал «сквозной принцип развития России — достижение технологического суверенитета, независимого от иностранных институтов». 15 июля 2022 г. Президент РФ Владимир Путин назначил министра промышленности и торговли Д. В. Мантурова на должность заместителя председателя Правительства РФ. При согласовании данного вопроса в Государственной Думе Д. В. Мантуров заявил о необходимости совершить поворот от «абсолютно рыночной промышленной политики к политике обеспечения технологического суверенитета». Следовательно, политика обеспечения технологического суверенитета планируется как комплекс мер, повышающих роль нерыночных механизмов, институтов и практик — государственных и общественных.

18 июля 2022 г. прошло заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, а 1 сентября 2022 г. Президент РФ В. В. Путин утвердил перечень поручений по его результатам, важнейшее из которых состояло в том, что до 15 декабря 2022 г. Правительству РФ было поручено разработать и утвердить концепцию технологического развития на период до 2030 г.

Обоснование политики технологического суверенитета направлено не только на поиск наиболее релевантных ее целей, задач и методов реализации, но и на формирование доверия со стороны всех ее участников и общества в целом. В этом отношении выбор стратегии обоснования опирается на решение этой двойственной задачи. Переход от политики импортозамещения, когда проблема ставилась в плоскости инноваций и соотношения импорта-экспорта, к политике обеспечения технологического суверенитета предполагает расширение спектра проблем и способов

Рис 1. Стратегии обоснования политики технологического суверенитета

Fig.1. Strategies for justifying the policy of technological sovereignty

их решения. Ясно, что экономическая прагматика импортозамещения смещается в сторону экзистенциально цивилизационной стратегии, при которой технологический суверенитет рассматривается не только с позиции технологической независимости или поддержания технологического баланса между внутренними и внешними факторами, но и с точки зрения базовых ценностей общества. В этом случае экономическая и технократическая стратегии обоснования начинают вступать во взаимодействие с цивилизационно-культурным контекстом обоснования. В этом смысле достаточно узким является определение доказательной политики, строящейся на основе базы данных: «В случаях, когда речь идет о принятии политических решений, мы говорим о доказательной политике, использующей широкий спектр доказательной базы и научно обоснованные факты для нормативно-правового регулирования, программ социально-экономического развития, разработки и реализации государственных и общественно-государственных стратегий и концепций» (Семья и др., 2022, с. 213–214).

Общая концептуальная схема стратегий обоснования политики технологического суверенитета представлена на рис. 1. В результате дискурс-анализа текстов выяснилось, что в конкурентном и определенном образом взаимосвязанном состоянии находятся три стратегии обоснования политики: технократическая, экономическая и цивилизационная. Каждая из этих стратегий опирается на свои базовые установки. Технократическая стратегия основывается на доминировании науки и техники с присущими ей акцентами на объективность, истинность, решаемость, инструментальность и другие принципы. Экономическая стратегия опирается на законы спроса и предложения, рыночные механизмы регулирования, экономическую рациональность, утилитаризм и стимулирование. Цивилизационная стратегия акцент ставит на ценностях и традициях, подчеркивая значение общественных задач, развития, способностей, мобилизации и публичного принятия, а не технократического решения.

Политика импортозамещения в российских условиях позволила реализовать две взаимосвязанные цели. Во-первых, она стимулировала власти и производителей на поиск специфических резервов производства товаров и услуг, заменяющих их зарубежные аналоги. Этот процесс шел неравномерно, однако по ряду отраслей промышленности, химии, производства лекарств, сельского хозяйства удалось достичь результата. Во-вторых, политика импортозамещения стимулировала инвестиционную политику, ориентированную на инновации, а вместе с ней и более-менее интенсивное развитие инновационной инфраструктуры в виде институтов развития. По мере решения задач импортозамещения и наращивания условий для расширения инноваций, несмотря на санкции и протекционистские меры, направленные против российского производителя, возникло обоснованное стремление изменить мотив развития, перейдя к более широкой политике технологического суверенитета. Данная политика может послужить мотором дальнейшего совершенствования структуры экономики и преобразования ее вектора развития с сырьевой направленности на современную технологическую. Для этого необходимы многие преобразования, что предполагает ориентацию на сочетание различных стратегий обоснования политики — технократическую, экономическую и цивилизационную, а также формирование коалиции доказательной политики технологического суверенитета.

Коалиция доказательной политики технологического суверенитета

Для описания коалиций доказательной политики технологического суверенитета используются некоторые идеи модели «защищающих коалиций» («advocacy coalition framework») (Sabatier, Jenkins-Smith, 1993), которая предоставляет возможность расширить представление об участниках выработки и реализации политики, описываемой концепцией «железного треугольника». Данная концепция включала в выработку политики исполнительные структуры власти, структуры представительных органов и заинтересованные группы. В этой связи Хью Хекло писал: «Рассматривая железные треугольники контроля, мы склонны не замечать по сути открытые сети людей, которые все в большей мере оказывают влияние на правительство» (Heclo, 1995, p. 268).

Модель основывается на основных предпосылках, которые расширяют понимание политики. Во-первых, теория политического процесса должна учитывать роль, которую играет в этом процессе техническая информация о масштабах и аспектах проблемы, ее причинах и вероятных последствиях различных решений.

Во-вторых, понимание процесса политики требует учета временной перспективы (десять лет и более). Этот аргумент непосредственно связан с поиском важности исследования «просветительской функции» политики, т. е. влияния когнитивных факторов, обеспечивающих доверие к политике. В-третьих, политика рассматривается не в виде программы или деятельности определенного органа правительства, а в виде некоторой сферы, включающей в себя внутренние и внешние условия и события.

В-четвертых, данная модель расширяет число участников возникающих политических коалиций, включая органы законодательной и исполнительной власти, группы интересов, представителей СМИ, экспертов, аналитиков и отдельных лиц на различных уровнях управления. В-пятых, важным выступает понимание публичной политики в качестве некой системы убеждений, описывающих ценности, причинно-следственные связи, методы достижения целей. Следует подчеркнуть,

Рис 2. Коалиция доказательной политики технологического суверенитета
Fig.2. Coalition of Evidence-Based Policy of Technological Sovereignty

что сюда же относятся и системы доверия к органам государственной власти и к проводимой ими политике.

Хотя в России вряд ли можно определить конкурирующие коалиции по вопросам технологического суверенитета (если не брать в расчет различные стратегии обоснования этой политики), однако предложенная методологическая модель позволяет обратить внимание на ряд важных компонентов той группы акторов, которая определяет особенности политики в этой сфере (рис. 2). Наверное, можно согласиться с тем, что в основе коалиции в России лежит централизованная вертикальная модель управления научно-техническим развитием. Как отмечал заместитель председателя Правительства РФ Д. Н. Чернышенко 3 декабря 2022 г. в рамках II Конгресса молодых ученых на первом совещании с заместителями руководителей федеральных органов исполнительной власти, ответственными за научно-технологическое развитие (НТР), «в России формируется вертикаль управления научно-технологическим развитием. Она содержит несколько уровней: Президент, Правительство, отрасли, регионы и организации. Деятельность руководителей по научно-технологическому развитию развернется на уровне отраслей и с вовлечением в процесс субъектов. Перед ними стоят три ключевые задачи. Это обеспечение квалифицированного заказа на технологии, кадры и реализация задач Десятилетия науки и технологий. Также на базе подведомственных министерствам организаций будут созданы отраслевые центры компетенций (ОЦК). Они будут взаимодействовать с представителями отраслей и научных организаций, собирать их запрос и формировать перечень научных и технологических задач, отвечая при этом за сборку и внедрение конечных результатов» (Дмитрий..., 2022).

Коалиция доказательной политики технологического суверенитета в России включает в себя основные политические и управленческие элиты федерального и регионального уровней, вовлеченные в процесс выработки и реализации соответствующего вида политики. Они используют различные стратегии доказательной

политики, которые предлагаются ими через различные рекурсивные механизмы институциональной системы доверия. Эти механизмы обеспечивают не только взаимодействие политических и управленческих элит, но и деятельность представителей экспертного сообщества (где особое место занимает научная и техническая элита), представителей финансового банковского сектора, производителей прежде всего высоких технологий, средств массовой информации и общественности в лице доминирующих в этой сфере НКО. Общая нацеленность на достижение технологического суверенитета все же не выражается в единой системе верований, которые они предлагают в ходе выработки и реализации публичной политики. Если политические элиты склонны к цивилизационной стратегии с акцентом на сочетаемости целей технологического суверенитета с традиционно высоким уровнем доверия к науке и технике, то управленческие элиты выбирают смешанную стратегию, сочетая технократический и экономический подходы с явно выраженным вектором доверия к технике и решаемости этой задачи на уровне развития вложений в науку и технику.

Как правило, на уровне управленческой элиты присутствуют смешанные стратегии с обозначенным вектором, однако в России отсутствует хорошо выраженная в других странах тенденция объединения финансового сектора с производством высоких технологий. В развитых и развивающихся экономиках после кризиса 2008–2009 гг. наблюдалась двойственная тенденция сочетания усилий финансового и высокотехнологического секторов в цифровой экономике. Если на первых порах финансовый сектор выступил драйвером развития высоких технологий, что выразилось в формировании интеграционных образований ФинТех, то впоследствии высокотехнологический сектор берет на себя инициативу не только развития, но и финансирования цифровых технологий (так называемая интеграция ТехФин) (Bassens, Hendrikse, 2022). В России пока доминирует первая тенденция, и ярким примером здесь стала деятельность Сбербанка, который из сугубо финансового института превратился в корпорацию, стремящуюся быть разработчиком высоких технологий. В настоящее время в структуре услуг Сбербанка растет доля небанковских услуг — электронная торговля, такси и каршеринг, страхование, медицина, телеком и др. От нефинансовых сервисов планируется получить к 2030 г. 30% дохода. Выступая на Восточном экономическом форуме 7 сентября 2022 г. председатель правления Сбербанка Герман Греф подчеркнул: «Важно понимать, что мы вкладываем в это понятие, потому что полного технологического суверенитета достичь невозможно, его нет ни у одной страны мира. Я не думаю, что такой полный технологический суверенитет есть цель у нас. А вот технологический суверенитет по ключевым элементам современных технологий, конечно, необходимо» (Полного..., 2022).

Важно отметить, что с развитием стратегий ФинТех и ТехФин повышается роль государственного регулирования этих двух секторов новой экономики и их взаимодействия. Государство в этом отношении занимает различную позицию — от простого координатора взаимодействия с разработкой норм регулирования подходящих отношений до прямого включения в этот процесс в виде главного субъекта технологической политики. Если Китай вынужден предпринимать стратегию вмешательства для баланса технологического развития (Gruin, 2019), то Россия в этом вопросе придерживается более радикальной политики с централизацией управления политикой технологического суверенитета.

Можно сказать, что политические элиты России, следуя общей модели защищающих коалиций, в общем стратегическом плане занимают позиции цивилизационной стратегии (дискурс идентичности) обоснования политики технологического суверенитета. В этом отношении глубинная основа, или базовые нормативные убеждения, концентрируются вокруг традиционных российских ценностей. В речах Президента РФ и представителей Администрации Президента РФ, как правило, говорится о политике технологического суверенитета, лежащего в основе национальной безопасности и национального суверенитета. Данный дискурс часто выражен как дискурс долженствования с акцентом на соотношении национальных ценностей, суверенитета и политических задач. Цивилизационный тип дискурса в основном обосновывается концептами технологической безопасности, критических и сквозных технологий, технологического колониализма, восстановления производственных цепочек, протекционизма, импортозамещения и импортонезависимости, а также национальной безопасности. Менее жестко представлено ядро политики, или основные нормативные обязательства и причинное восприятие всей сферы или подсистемы политики обеспечения технологического суверенитета. Здесь дискурс идентичности пересекается с явными технократическими и экономическими сюжетами, подчеркивающими решаемость проблемы и ее нацеленность на общее экономическое развитие. Вторичные аспекты, т.е. совокупность более узких убеждений, касаются отраслевых моментов применения этой политики, ее финансовой обеспеченности, связи с другими компонентами и направлениями политики. Важно подчеркнуть, что цивилизационная стратегия доказательности (дискурс идентичности) опирается на высокий уровень общего институционального доверия к президентству вообще и к Президенту РФ В. В. Путину в частности. По данным ВЦИОМ, «показатель одобрения деятельности Президента с 14 по 20 ноября 2022 г. составил 75,0%. На прямой вопрос о доверии Владимиру Путину положительно ответили 78,7% респондентов» (Рейтинги..., 2022).

Вместе с тем в стратегиях обоснования политики технологического суверенитета другими участниками коалиции доминируют не дискурсы идентичности, а экономическая и технократическая стратегии. С одной стороны, это определяется ясностью связи технологического суверенитета с политической ситуацией и необходимостью отвечать на вызовы, которые касаются не только кратковременных экономических обстоятельств, но и фундаментальных ценностных основ жизнедеятельности общества. С другой стороны, непартийное правительство и акцент на необходимости решать проблему заостряют экономическое и технократическое мышление и поиск скорее средств решения, чем обоснования целей и задач политики. Доверие к политике правительства определяется не цивилизационной стратегией, а его способностью добиться реализации общих целей обеспечения технологического суверенитета. В речах, например, Председателя Правительства М. В. Мишустина, технологический суверенитет рассматривается как повышение конкурентоспособности российских предприятий и их продукции по сравнению с компаниями из недружественных стран Запада за счет углубления промышленной кооперации с дружественными странами Евразии, что даст возможность снизить зависимость от поставок продукции из стран Запада. Похожие сюжеты и интерпретации обнаруживаются и у других членов коалиции. В дискурсе участников обсуждения, представленных высокотехнологическими

компаниями, доминирует технократическая стратегия. Интересно, что именно она вызывает наибольшую поддержку со стороны общественных участников дискуссии. Следовательно, формирующийся дизайн доказательной политики технологического суверенитета скорее отвечает технократическому и экономическому обоснованию.

Дизайн доказательной политики технологического суверенитета

Дизайн публичной политики характеризуется не только «комплексом инструментов, обеспечивающих сотрудничество и сетевую координацию» (Сморгунов, 2015, с. 16), в нем также можно выделить компоненты внутренней и внешней среды, которые оказывают влияние на конечный политический продукт (программу, решение) с последующим его воздействием на общество. К компонентам внутренней среды относятся субъекты воздействия, которые подразделяются на создателей дизайна публичной политики (политические акторы, активисты гражданского общества, представители бизнеса и СМИ) и его потребителей (общество в целом), объекты воздействия (политический продукт и социальные практики по его имплементации), способы взаимодействия основных акторов по выработке и имплементации политического решения, нормативное обеспечение соответствующей политической деятельности (формальные и неформальные нормы). К компонентам внешней среды относятся цели и функции рассматриваемого дизайна по созданию благоприятных условий выработки и имплементации политики.

На основе анализа общих и некоторых отраслевых особенностей политики обеспечения технологического суверенитета необходимо выделить системные элементы формирующегося дизайна политики: цели, субъекты, ресурсы, способности, инструменты, механизмы и оценки. Определение *целей такой политики* выступало задачей первых месяцев перехода от импортозамещения к обеспечению технологического суверенитета. В публичном дискурсе обоснования целевых задач особо выделяются задачи обеспечения безопасности технологического развития и на этой основе расширения возможностей укрепления суверенитета и безопасности государства в целом. Второй целевой задачей стала ориентация на развитие критических технологий (большие данные, искусственный интеллект, микроэлектроника, квантовые коммуникации и квантовые вычисления, новые материалы, биотехнологии, блокчейн и др.), обеспечивающих становление нового технологического уклада в стране. Третья целевая задача — самостоятельное технологическое развитие с учетом международного баланса технологий и открытости к мировому банку науки и техники. Четвертая целевая задача — интеграция технологического развития в общую политику развития экономики и общества с учетом национальных и международных тенденций, формирование техноэкономики новой формации. Формирование целей осуществлялось вместе с объединением политических акторов в интегрированный субъект политики — *коалицию поддержки политики технологического суверенитета*. Ее централизованный характер определил сочетание различных стратегий обоснования целесообразности политики, центром которых стал технократический план реализации поставленных задач. *Ресурсное обеспечение* политики технологического суверенитета включает в себя комплекс энергетических, технических, финансовых, организационных, кадровых условий деятельности по развитию технической базы новой формации. Немаловажным компонентом дизайна высту-

пает система способностей политико-управленческих институтов, менеджмента высокотехнологических компаний, финансовых структур, гражданского общества по принятию стратегии технологического развития и ее активной реализации. Способности представляют собой такие свойства субъектов политики, которые обеспечивают успешную реализацию всех функций политического процесса (policy process). Именно способности определяют состоятельность государства обеспечивать технологический суверенитет. *Инструменты реализации политики* — это конкретные способы организации, стимулирования и мобилизации при решении задач политики. Конкурсы, гранты, субсидии, премии и др. выступают необходимыми элементами дизайна политики. Именно сейчас происходит их формирование и систематизация применительно к политике технологического суверенитета. *Механизмы в дизайне политики* выполняют функции объединения целей, ресурсов, способностей и инструментов в целостный конструкт. Сегодня формируется комплекс основных механизмов — централизованного (например, государственный заказ), сетевого (мероприятия Национальной технологической инициативы или Агентства социальных технологий), государственно-частного партнерства и техно-финансового взаимодействия. И наконец, *оценочный элемент дизайна* включает в себя различные рейтинги, бенчмаркинг, мониторинги реализации политики.

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя политика технологического суверенитета еще не обрела своей нормативной формы, но в течение 2022 г. она оставалась одной из основных тем дискурсов политиков и экспертов на различных заседаниях и форумах, поскольку фактически представляет собой базис для сохранения государственного суверенитета. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления, политика технологического суверенитета уже реализуется в виде отдельных мер при поддержке Правительства РФ и ряда министерств. К концу 2022 г. гегемонистское значение приобрел технократический дискурс, который вызывает наибольшее доверие у населения. Данная политика имеет поддержку и у госслужащих профильных министерств, что отражается в их нормотворчестве, направленном на имплементацию данной политики.

Библиографический список

- Афанасьев, А. А. (2022). Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания. *Экономика, предпринимательство и право*, 12(9), 2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243
- Билотта, Н. (2020). Что стоит за цифровым налогом: вызовы борьбы Европейского союза за технологический суверенитет. *Вестник международных организаций*, 15(4), 30–47. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-02
- Данилин, И. (2021). Американо-китайская технологическая война через призму технонационализма. *Пути к миру и безопасности*, 1(60), 29–43. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-29-43
- Дмитрий Чернышенко: Обеспечение технологической независимости требует новых компетенций от управленцев в сфере науки и высоких технологий. *Сайт Правительства РФ*. Режим доступа <http://government.ru/news/47232/>
- Коптев, Ю. Н., Кутахов, В. П., Русинов, А. А. (2015). Технология реализации государственной политики России по укреплению обороноспособности, суверенитета и технологическому развитию промышленности. *Российское предпринимательство*, 16(21), 3649–3658. DOI: 10.18334/rp.16.21.2016

- Полного технологического суверенитета достичь невозможно, заявил Греф (2022). *РИА Новости*. Режим доступа <https://ria.ru/20220907/suverenitet-1815005465.html>
- Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий (2022). *ВЦИОМ Новости*. Режим доступа <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20221209>
- Семья, Г. В., Станилевский, В. В., Газарян, А. А., Некрасов, А. С. (2022). Доказательный подход в управлении: доказательный менеджмент и доказательная политика. *Социальная психология и общество*, 13(1), 209–223. DOI: 10.17759/sps.2022000001
- Сморгунов, Л. В. (ред.). (2015). *Управление публичной политикой: Коллективная монография*. М.: Аспект-Пресс.
- Указ Президента Российской Федерации от 14.04.2022 № 203 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Режим доступа <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204140035?index=0&rangeSize=1>
- Шкодинский, С. В., Кушнир, А. М., Продченко, И. А. (2022). Влияние санкций на технологический суверенитет России. *Проблемы рыночной экономики*, 2, 75–96. DOI: 10.33051/2500-2325-2022-2-75-96
- Amir, S. (2013). *The Technological State in Indonesia: The Co-constitution of High Technology and Authoritarian Politics*. London and New York: Routledge.
- A European Strategy for Data. European Commission. Brussels (2020). Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0066&from=EN>
- Bassens, D., & Hendrikse, R. (2022). Asserting Europe’s Technological Sovereignty amid American Platform Finance: Countering Financial Sector Dependence on Big Tech? *Political Geography*, 97, 1026–1048. DOI: 10.1016/j.polgeo.2022.102648
- Couture, S., & Toupin, S. (2019). What Does the Notion of “Sovereignty” Mean when Referring to the Digital? *New media & Society*, 21(10), 2305–2322. DOI: 10.1177/1461444819865984
- Globerman, S. (1978). Canadian Science Policy and Technological Sovereignty. *Canadian Public Policy / Analyse de Politiques*, 4(1), 34–45.
- Gruin, J. (2019). Financializing Authoritarian Capitalism: Chinese Fintech and the Institutional Foundations of Algorithmic Governance. *Finance and Society*, 5(2), 84–104. DOI: 10.2218/finsoc.v5i2.4135
- Heclo, H. (1995). Issue Networks and the Executive Establishment. In McCool D. (ed) *Public Policy Theories, Models, and Concepts. An Anthology* (pp. 268–287). Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Kim, S. E., & Urpelainen, J. (2014). Technology Competition and International Co-operation: Friends or Foes? *British Journal of Political Science*, 44(3), 545–574.
- Rohe, S., & Mattes, J. (2022). What about the regional level? Regional configurations of Technological Innovation Systems. *Geoforum*, 129, 60–73. DOI: 10.1016/j.geoforum.2022.01.007
- Sá, C., Kretz, A., & Sigurdson, K. (2013). Techno-Nationalism and the Construction of University Technology Transfer. *Minerva*, 51(4), 443–464.
- Sabatier, P., & Jenkins-Smith, H. (1993). *Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach*. Boulder, CO: Westview Press.
- Solleiroa, J. L., & Castanon, R. (2005). Competitiveness and Innovation Systems: The Challenges for Mexico’s Insertion in the Global Context. *Technovation*, 25, 1059–1070.
- Wriston, W.B. (1988). Technology and Sovereignty. *Foreign Affairs*, 67(2), 63–75.

Статья поступила в редакцию 10.12.2022
Статья принята к публикации 28.12.2022

Для цитирования: Сморгунов Л. В. Доказательная политика технологического суверенитета и ее дизайн. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 3. С. 6–19.

EVIDENCE-BASED POLICY OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND ITS DESIGN

L. V. Smorgunov

Leonid V. Smorgunov, St. Petersburg State University, Universitetskaja nab., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russia.

E-mail: 1.smorgunov@spbu.ru. ORCID 0000-0002-2581-2975

Acknowledgements. The material was prepared under the EISI grant and task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Evidence-based policies of technological sovereignty and trust: A study of public justification strategies”.

Abstract. The paper is devoted to the study of ensuring the policy of technological sovereignty in Russia. The primary objective is to explore public strategies for justifying an evidence-based policy of technological sovereignty as the basis for building the public trust in it. The content of three strategies for substantiating the policy of technological sovereignty – the technocratic, the economic, and the civilizational – is disclosed. This article substantiates the mixed nature of the use of strategies in the public discourse of power with a certain dominance of the technocratic strategy. The specific features of the coalition of evidence-based policy of technological sovereignty are also described. In Russia, the coalition rests on a centralized vertical model for managing scientific and technological development progress, but it also includes financial, expert, manufacturing, civilian, and other interest groups. The paper reveals the coalition’s system of beliefs, which consists of the deep underlying foundation – the core of policy (the primary normative commitments) – and the secondary aspects of policy. It describes the perspectives of evidence-based policy design for technological sovereignty, which includes goals, actors, resources, capabilities, tools, mechanisms, and evaluation. The problems covered in the article are based on the discourse analysis of a purposive sample of texts carried out in the course of the grant research, consisting of 21 speeches given by politicians and experts (from May to September 2022) and three Resolutions of the Russian Government (issued between September and December 2022) on the formation of the policy of technological sovereignty. The description of the conceptual foundations of evidence-based technological sovereignty policy in the context of trust and the strengthening of technological sovereignty may be regarded as a definite contribution to the theory of evidence-based public policy under challenging and contingent settings.

Keywords: technological sovereignty, evidence-based policy, policy justification strategies, evidence-based policy coalition, policy design, Russia.

DOI 10.31429/26190567-23-3-6-19

References

- A European Strategy for Data. European Commission. Brussels (2020). Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0066&from=EN>
- Afnas’ev, A.A. (2022). Tekhnologicheskij suverenitet kak nauchnaya kategoriya v sisteme sovremennogo znaniya [Technological Sovereignty as a Scientific Category in the Contemporary Knowledge System]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law], 12(9), 2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243
- Amir, S. (2013). *The Technological State in Indonesia: The Co-constitution of High Technology and Authoritarian Politics*. London and New York: Routledge.
- Bassens, D., & Hendrikse, R. (2022). Asserting Europe’s Technological Sovereignty amid American Platform Finance: Countering Financial Sector Dependence on Big Tech? *Political Geography*, 97, 1026–1048. DOI: 10.1016/j.polgeo.2022.102648
- Bilotta, N. (2020). Chto stoit za tsifrovym nalogom: vyzovy bor’by Yevropeyskogo soyuza za tekhnologicheskij suverenitet [Beyond the Digital Tax: The Challenges of the EU’s Scramble for Technological Sovereignty]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* [Bulletin of International Organizations], 15(4), 30–47. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-02

- Couture, S., & Toupin, S. (2019). What Does the Notion of “Sovereignty” Mean when Referring to the Digital? *New Media & Society*, 21(10), 2305–2322. DOI: 10.1177/1461444819865984
- Danilin, I. (2021). Amerikano-kitayskaya tekhnologicheskaya voyna cherez prizmu tekhnontsionalizma [The U. S.-China Technological War Through the Prism of Techno-Nationalism]. *Puti k miru i bezopasnosti* [Pathways to Peace and Security], 1(60), 29–43. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-29-43
- Dmitriy Chernyshenko: Obespecheniye tekhnologicheskoy nezavisimosti trebuet novykh kompetentsiy ot upravlentsev v sfere nauki i vysokikh tekhnologiy [Ensuring Technological Independence Requires new Competencies from Managers in the Field of Science and high Technology]. *Sayt Pravitel'stva RF* [Website of the Government of the Russian Federation]. Retrieved from <http://government.ru/news/47232/>
- Globerman, S. (1978). Canadian Science Policy and Technological Sovereignty. *Canadian Public Policy / Analyse de Politiques*, 4(1), 34–45.
- Gruin, J. (2019). Financializing Authoritarian Capitalism: Chinese Fintech and the Institutional Foundations of Algorithmic Governance. *Finance and Society*, 5(2), 84–104. DOI: 10.2218/finsoc.v5i2.4135
- Heclo, H. (1995). Issue Networks and the Executive Establishment. *Public Policy Theories, Models, and Concepts. An Anthology* / Ed. By McCool D. (pp. 268–287). Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Kim, S. E., & Urpelainen, J. (2014). Technology Competition and International Co-operation: Friends or Foes? *British Journal of Political Science*, 44(3), 545–574.
- Koptev, Yu. N., Kutakhov, V. P., Rusinov, A. A. (2015). Tekhnologiya realizatsii gosudarstvennoy politiki Rossii po ukrepleniyu oboronosposobnosti, suvereniteta i tekhnologicheskomu razvitiyu promyshlennosti [The Technology of Russia's State Policy Implementation as for the Defense Potential and Sovereignty Strengthening, and for the Industry Technological Development]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 16(21), 3649–3658. DOI: 10.18334/rp.16.21.2016
- Polnogo tekhnologicheskogo suvereniteta dostich' nevozmozhno, zayavil Gref [Full Technological Sovereignty is Impossible to Achieve, Gref] (2022). *RIA Novosti* [RIA News]. Retrieved from <https://ria.ru/20220907/suverenitet-1815005465.html>
- Reytingi doveriya politikam, otsenki raboty prezidenta i pravitel'stva, podderzhka politicheskikh partiy [Ratings of Trust in Politicians, Evaluation of the President and the Government, Support for Political Parties] (2022). *VTSIOM Novosti* [VCIOM News]. Retrieved from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20221209>
- Rohe, S., & Mattes, J. (2022). What about the regional level? Regional configurations of Technological Innovation Systems. *Geoforum*, 129, 60–73. DOI: 10.1016/j.geoforum.2022.01.007
- Sá, C., Kretz, A., & Sigurdson, K. (2013). Techno-Nationalism and the Construction of University Technology Transfer. *Minerva*, 51(4), 443–464.
- Sabatier, P., & Jenkins-Smith, H. (1993). *Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach*. Boulder, CO: Westview Press.
- Sem'ya, G. V., Stanilevskij, V. V., Gazaryan, A. A., Nekrasov, A. S. (2022). Dokazatel'nyy podkhod v upravlenii: dokazatel'nyy menedzhment i dokazatel'naya politika [Evidence-Based Approach to Governance: Evidence-Based Management and Evidence-Based Policy]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 13(1), 209–223. DOI: 10.17759/sps.2022000001
- Shkodinskiy, S. V., Kushnir, A. M., & Prodcenko, I. A. (2022). Vliyaniye sanktsiy na tekhnologicheskii suverenitet Rossii [The Impact of Sanctions on Russia's Technological Sovereignty]. *Problemy rynochnoy ekonomiki* [Problems of the Market Economy], 2, 75–96. DOI: 10.33051/2500-2325-2022-2-75-96
- Smorgunov, L.V. (Ed.). (2015). *Upravleniye publichnoy politikoy: Kollektivnaya monografiya* [Governance of Public Policy]. M.: Aspekt-Press.

Solleiroa, J. L., & Castanon, R. (2005). Competitiveness and Innovation Systems: The Challenges for Mexico's Insertion in the Global Context. *Technovation*, 25, 1059–1070.

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 14.04.2022 № 203 “O Mezhhvedomstvennoy komissii Soveta Bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii po voprosam obespecheniya tekhnologicheskogo suvereniteta gosudarstva v sfere razvitiya kriticheskoy informatsionnoy infrastruktury Rossiyskoy Federatsii” [Presidential Decree of 14.04.2022 № 203 “On the Interagency Commission of the Security Council of the Russian Federation on Ensuring the Technological Sovereignty of the State in the Development of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation”]. Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204140035?index=0&rangeSize=1>

Wriston, W.B. (1988). Technology and Sovereignty. *Foreign Affairs*, 67(2), 63–75.

Received 10.12.2022

Accepted 28.12.2022

For citation: Smorgunov L.V. Evidence-Based Policy of Technological Sovereignty and Its Design.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 3. Pp. 6-19.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).